

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ОПОШНЯ

© 2022 г. В. В. Енуков*

*Научно-исследовательский институт археологии юго-востока Руси,
Курский государственный университет, Курск, Россия*

**E-mail: vyenukov@gmail.com*

Поступила в редакцию 26.04.2021 г.

После доработки 31.05.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

Городище Опошня занимает важное место в ряду древностей последней четверти I тыс. н.э. Днепровского левобережья ввиду того, что его уже традиционно помещают между волынцевским культурно-хронологическим горизонтом и роменской археологической культурой. Раскопками И.И. Ляпушкина, О.В. Сухобокова и С.П. Юренко изучена значительная часть памятника, на которой располагалось 23 жилища. В статье предпринимается попытка проведения реконструктивного анализа с целью воссоздания их облика, трактовка которого в историографии имеет небесспорный характер. Автор приходит к выводу, согласно которому для обитателей Опошни были характерны дома, состоявшие из неглубоких котлованов прямоугольной в плане формы, которые перекрывались срубом, имевшим большие размеры. Подобная схема занимала господствующее положение в домостроительстве носителей роменской культуры последующего времени.

Ключевые слова: Днепровское левобережье, сахновско-волынцевский горизонт, роменская культура, городище Опошня, домостроительство, графическая реконструкция, раннее средневековье.

DOI: 10.31857/S0869606322010044

Домостроительство — одно из самых консервативных проявлений материальной культуры, отражающих этнокультурные традиции, которые, впрочем, могли дополняться инновационными элементами в результате как опосредованного влияния, так и прямых миграционных импульсов. Историография проблемы реконструкции славяно-русского жилища весьма обширна, при этом особое место в ее решении занимают древности роменской и боршевской археологических культур. Во многом на их основе проходили проверку методы воссоздания облика построек. В 1931 г. П.А. Ефименко с опорой на материалы раскопок Большого Боршевского городища предположил, что “сеть сообщающихся между собой помещений” составляла своего рода улей (Ефименко, 1931. С. 7, 8). Предложенная интерпретация надолго утвердилась в литературе, причем она была перенесена и на памятники более обширной территории, включая роменский ареал (Рыбаков, 1939. С. 323; История культуры..., 1948. С. 204, 205; История русской архитектуры, 1951. С. 3; Третьяков, 1953а. С. 164; 1953б. С. 22, 23; Мавродин, 2002. С. 87–91). С ее критикой выступил И.И. Ляпушкин, который доказал индивидуальный характер жилищ (Ляпушкин, 1957) и предложил на примере результатов раскопок Но-

вотроицкого городища варианты их реконструкции, фактически в виде землянок, впервые воплощенные в графике (Ляпушкин, 1958. С. 193–205. Рис. 109–114). В дальнейшем П.А. Раппопорт пришел к выводу о том, что стены домов могли возвышаться над уровнем земли (Раппопорт, 1975. С. 158, 159. Рис. 58, 59), однако и эта схема вызвала серьезные возражения. Г.В. Борисевич кратко выразил свою позицию в афористичной фразе, определяющей основной недостаток жилища — в нем невозможно жить. По его мнению, срубные стены дома были выше и ставились с отступом от котлована, что заметно увеличивало метрические параметры жилища (Борисевич, 1978. С. 282–284).

Идеи Г.В. Борисевича нашли свое воплощение в дальнейших исследованиях (Дьяченко, 1991; Григорьев, 2000. С. 81–100; 2005. С. 38–59). Важной вехой в решении вопросов реконструкции славяно-русских жилищ стали результаты изысканий Ю.Ю. Моргунова, который фактически сформулировал ее основные принципы (Моргунов, 2002; 2003. С. 117–131). В дальнейшем количество реконструктивных признаков увеличилось, они были сведены в единый комплекс и апробированы на конкретных примерах роменских и боршевских памятников (Енукова, 2003,

2005, 2011; Енуков, Енукова, 2012, 2014; Енуков, 2018). Полученные результаты получили обобщение в специальных разделах монографических исследований (Енукова, 2007. С. 21–57; Пуголов, 2016. С. 193–217). В итоге господствующая схема роменского домостроительства стала выглядеть следующим образом: прямоугольный (в основном квадратный) котлован с облегченной обшивкой по бортам и печью в одном из углов перекрывался срубными стенами, поставленными с отступом от границ заглубленной части. Подчеркну, что речь идет о преобладающей схеме. Отклонения от нее известны (наземное расположение построек, каркасно-столбовая конструкция несущих стен, схема “сруб, впущенный в котлован”, “добротная” облицовка бортов, иное местоположение печи), однако они редки.

В ряду древностей Днепровского левобережья особое место занимает городище, расположенное на территории поселка городского типа Опошня (Украина, Полтавская обл., Зеньковский р-н) на р. Псел. Памятник был введен в научный оборот В.Г. Ляскоронским (1907. С. 184, 185). В 1940 г. на его площадке первые стационарные изыскания провел И.И. Ляпушкин, в ходе которых открыто три жилища. Несмотря на небольшой объем материалов, именно на их основе исследователь впервые сформулировал свое видение славянского домостроительства. Позднее эта вербальная характеристика, к которой мы еще обратимся, нашла отражение в реконструкциях домов Новотроицкого городища. Опошня была отнесена к числу наиболее ранних памятников “роменско-боршевской” культуры (Ляпушкин, 1946). В 1957 г. работами И.И. Ляпушкина уже на значительной площади было открыто еще 11 жилищ (Ляпушкин, 1961. С. 258–304).

Изучение Опошни продолжили О.В. Сухобок и С.П. Юренко. После проведения разведочных работ в 1974 г. в следующем сезоне исследованы оборонительные сооружения, а также центральная часть площадки с девятью жилищами. Они представляли собой каркасно-столбовую конструкцию, стены котлованов были облицованы горизонтально уложенными плахами, закрепленными вертикальными стояками. Авторы выразили свое полное согласие с предложенным И.И. Ляпушкиным вариантом облика жилищ Новотроицкого городища, приведя в качестве образца иллюстрации из его работы. Место Опошни в ряду древностей последней четверти I тыс. определялось следующим образом. С одной стороны, городище было более поздним по сравнению с волынцевскими памятниками, с другой — отражало переход от волынцевского этапа к роменскому в рамках единой культуры (Сухобок, Юренко, 1992. С. 44–46, 60, 63. Рис. 19). В 2017 и 2018 г. небольшие раскопки на памятнике проведены Ю.А. Пуголовом, при этом на исследован-

ной площади жилища отсутствовали (Пуголов, 2018, 2020).

Мысль о специфическом месте Опошни в культурно-хронологической колонке древностей Днепровского левобережья сохраняется и в дальнейшем. Так, А.В. Комар выделяет Опошнянский горизонт (вторая четверть IX в.), который занимает промежуточное положение между Битицким (775–825 гг.), маркирующим финал волынцевской культуры, и Новотроицким (вторая–третья четверть IX в.) горизонтами, причем последний расценивается как первый этап собственно роменской культуры. Относительно домостроительства Новотроицкого горизонта автор высказывается следующим образом: “... наблюдается резкое падение процента плетнево-глинобитных стен жилищ, доминирующей становится обшивка стен плахами” (Комар, 2012. С. 146–151). Отсюда следует, что у обитателей Опошни была распространена плетнево-глинобитная строительная техника, что, однако, не подтверждено конкретными аргументами. Судя по всему, это мнение восходит к выводам Д.Т. Березовца, который в числе трех типов стен жилищ Волынцевского поселения наряду со срубами и обкладкой бортов котлована плахами выделял конструкцию из кольев, переплетенных лозой и обмазанных глиной (Березовец, 1969. С. 35, 36).

С.П. Юренко попыталась определить соотношение между ними: плетневые стены, которые расцениваются как вариант каркасно-столбовых, преобладали, с использованием такой техники было возведено 54,7% всех жилищ памятника (Юренко, 1990. С. 65). Ранее на основе анализа ряда волынцевских памятников, а также материалов Опошнянского и Новотроицкого городищ сделан вывод о безраздельном господстве “столбовой конструкции” при крайне редком использовании срубной техники (Юренко, 1984. С. 35. Табл. 1). Интересно отметить, что Д.Т. Березовец, характеризуя тип оформления стенок котлована с обкладками из плах (также каркасно-столбовой по С.П. Юренко), писал: “Про наземную частину таких конструкций ничего сказать не можно” (Березовец, 1969. С. 36). Наконец, Ю.А. Пуголов, обращаясь к материалам Опошни, на примере жилища 4С указывал на наличие признаков постановки срубных стен с отступом от котлована (Пуголов, 2016. С. 244, 245).

В результате трактовка домостроительных схем Опошни несет определенные противоречия. Памятник относится к числу наиболее изученных на территории Днепровского левобережья: при площади 0,8 га¹ исследовано около двух ее третей.

¹ Восточная и северо-восточная стороны памятника пострадали при добыче глины, поэтому его изначальная площадь была несколько больше.

Городище Опошня. Жилища (по: Ляпушкин, 1946, 1961; Сухобоков, Юренко, 1992)

The fortified settlement of Oposhnya. Dwelling structures (after Lyapushkin, 1946, 1961; Sukhobokov, Yurenko, 1992)

№ п/п	Жилище	Размеры котлована, м	Площадь котлована, м ² S	Глубина котлована, м	Количество ямок у бортов котлована	Вход	Материковые выступы в котловане	Хозяйственные ямы (количество)
1	9С	3.3–3.45 × 2.55–2.9	9	0.85	0		+	
2	1Л	3.1–3.2 × 3.3	10	0.5–0.7	2			1
3	6Л	2.8 × 2.9	8	0.7	2			
4	7Л	3 × 2.7	8	0.8	2			
5	12Л	3.45 × 3.5	12	0.75	2			1
6	5С	3.7 × 3.6–4	14	0.8	2		+	
7	10Л	3.65 × 3.45	12	0.65–0.85	3			
8	13Л	3 × 3.1	9	0.4–0.85	3			
9	14Л	3.15 × 3.4	10		3			
10	4С	3.4–4.3 × 2.85–3.3	11	0.9	3		+	
11	11С	3.3–4 × 4.1–4.2	15	0.78	3			
12	2Л	3.6 × 4	14	0.7–0.75	4			
13	4Л	3.65–3.75 × 3.5–3.8	13	0.85	4			
14	2С	4.7–5.2 × 4–4.2	20	1	4			1
15	6С	3.05–3.35 × 2.85–3.4	10	1.2	4			
16	8С	3.6 × 3.5	12	0.3–0.6	4		+	
17	10С	4 × 4.2	16	0.8	4	+		
18	8Л	3.2–3.35 × 3.35	11	0.7	5			
19	11Л	4.4 × 4	17	0.7–0.8	5			
20	3Л	3.3 × 3.4	11	0.65–0.75	6			2
21	1С	3.8 × 4.1	15	0.5	8	+	+	
22	9Л	3.2 × 3.1	9	0.75–0.85	9		+	
23	5Л	4.5–4.8 × 5.5	25	0.8	9			

Открыто в общей сложности 23 жилища², при этом случаи перекрытия друг другом не отмечены, что делает вывод о кратковременности существования поселка, к которому пришел еще И.И. Ляпушкин в начале своих исследований, практически неоспоримым (рис. 1). Зафиксированные во всех сооружениях следы пожара иллюстрируют его финал. Эти особенности памятника наряду с репрезентативностью материалов позволяют расценивать Опошню как прекрасный полигон для проведения реконструктивного анализа домостроительства.

² На рис. 1 присутствует 26 построек, однако жилищами из них являются только 23, так как помещения 3, 7 и 12 из раскопок О.В. Сухобокова и С.П. Юренко имели хозяйственное назначение.

Все дома были прослежены по котлованам прямоугольной в плане формы, которая обычно приближалась к квадратной. Их площадь невелика: в 12 случаях она не превышает 12 м² (таблица). Самые крупные — котлованы жилища 5Л³ (26 м²) и 2С (20 м²). Их глубина в среднем составляла 0.7–0.8 м.

Основанием для вывода о каркасно-столбовой конструкции стен послужило главным образом наличие столбовых ямок вдоль стен. Действительно, следы вертикальных стоек обнаружены почти во всех домах Опошни, за исключением

³ В тексте и таблице использованы следующие обозначения: после номера жилища литера Л — раскопки И.И. Ляпушкина, литера С — раскопки О.В. Сухобокова и С.П. Юренко.

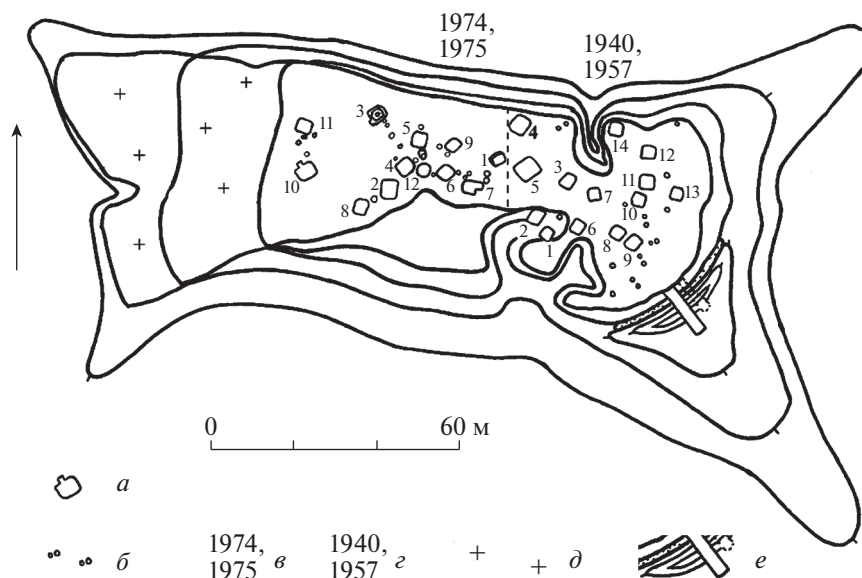

Рис. 1. Городище Опошня. План (по: Пуголовков, 2018). Условные обозначения: *a* — постройки; *b* — хозяйственные ямы; *c* — раскопки И.И. Ляпушкина в 1940 и 1957 г.; *d* — раскопки О.В. Сухобокова в 1974 и 1975 г.; *e* — современное кладбище; *e* — котлованы разрезов укреплений.

Fig. 1. The fortified settlement of Oposhnya. A plan view (after Pugolovok, 2018)

жилища 9С (таблица; рис. 2А, 1)⁴. Однако этот признак “работает” только с учетом определенных условий. Классический вариант каркасно-столбовой схемы — забирка, которая в идеальном виде предполагает восемь вертикальных опор: четыре по углам котлована и четыре по центру его стенок. В их пазы вставляются горизонтальные плахи с затесами-“гребнями” по торцам. Необходимость центральных стоек объясняется тем, что в Опошне стенки котлована обычно имели длину 3 м и более. Горизонтальные плахи вряд ли могли обладать такими размерами, не ослабляя общей конструкции дома, рассчитанного на круглогодичное проживание, что предполагает определенную, не менее 20 см, толщину стен. Теоретически в котлованах меньших размеров количество стоек могло сокращаться вплоть до использования только самых значимых — угловых, однако малая, до 9 м², площадь является, хотя и условным, но, тем не менее, одним из признаков несущих стен жилища, поставленных с отступом от заглубленной части (Енукова, 2007.

⁴ В описаниях жилищ О.В. Сухобокова и С.П. Юренко при указании количества ямок имеются различия между текстом и чертежами. В этих случаях за основу брались сведения последних. Учитывались только следы столбов, которые располагались у стенок котлованов и бесспорно служили конструктивными элементами, тогда как остальные, судя по всему, были связаны с “мебелью”. В публикации также присутствуют отдельные, зачастую непринципиальные, неточности в стыковке разрезов с планами, которые, соответственно, имеются и на представленных в настоящей статье иллюстрациях.

С. 25). В Опошне она отмечена в трех случаях (таблица).

В подавляющем большинстве жилищ Опошни (19 построек) количество столбовых ямок было меньше, нежели требовалось для “полного” комплекта забирки, и колебалось от 2 до 6 (таблица; рис. 2А, 2–9; Б; В, 1–3). В их расположении зачастую отсутствует система, причем пропуски приходится на углы котлована. Пример такого рода — жилище 2Л, в котором обнаружено четыре “нерегулярно” размещенных ямки, из них две обладали неприемлемым для каркаса малым диаметром. Дополнение к ним — небрежно “разбросанные” следы от кольев (рис. 2Б, 3). Похожая картина наблюдается в жилище 3Л, где формально выявлено шесть ямок, но только две из них по своим размерам могли играть роль вертикальных стоек каркасно-столбовой конструкции (рис. 2Б, 8). Заметный интерес представляет жилище 9Л, в котловане которого выявлено девять ямок. Это количество даже превышает “идеальный” для каркаса набор. Однако при этом наблюдается заметное сходство с указанными выше постройками, а именно отсутствие системности в расположении ямок, пропуски в узловых местах и малый диаметр части рассматриваемых элементов (рис. 2Б, 3).

Во многих постройках Опошни отмечались рухнувшие, как правило, обгоревшие деревянные конструкции, которые образовывали разные по размерам скопления обломков. Тем не менее в ряде случаев сохранились детали в первоначаль-

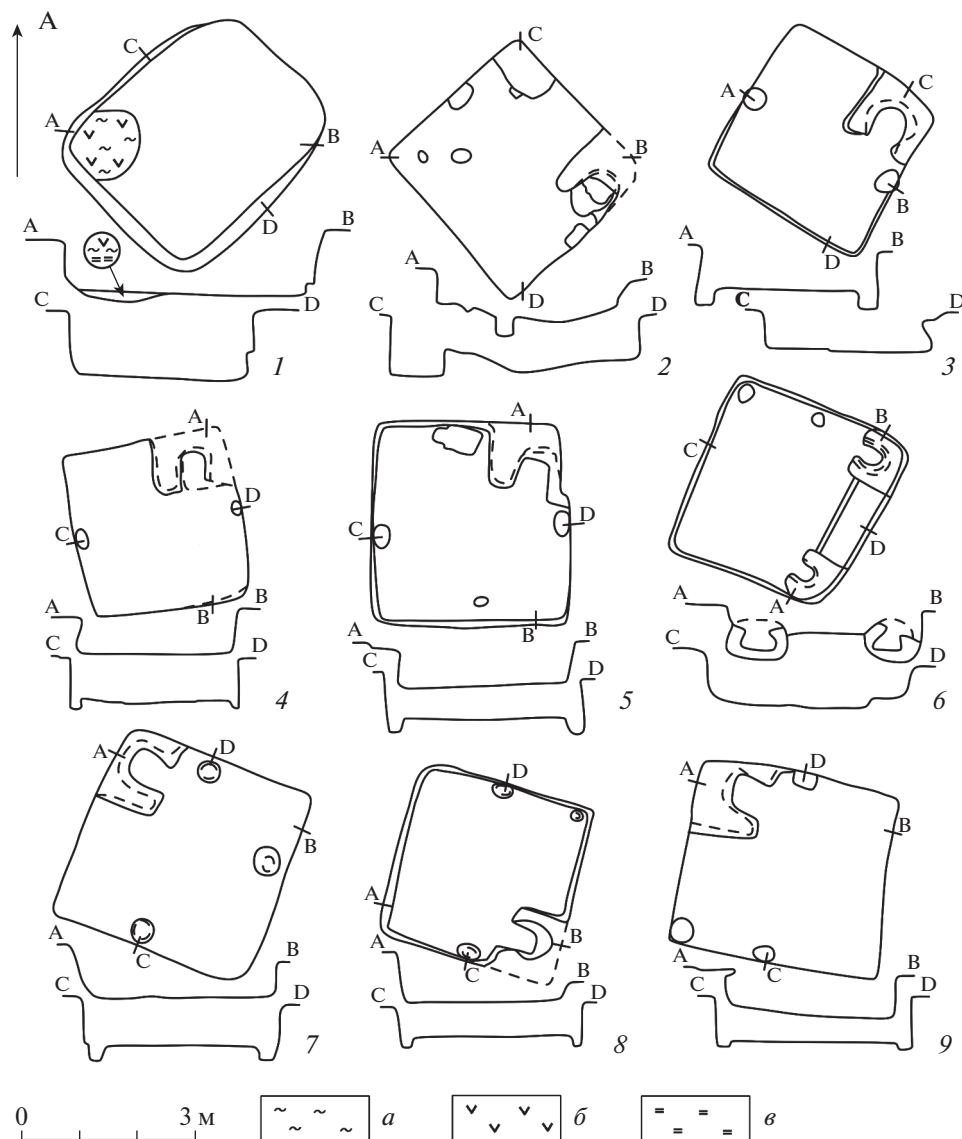

Рис. 2. Городище Опошня. Планы и разрезы жилищ (по: Ляпушкин, 1961; Сухобоков, Юренко, 1992). А: 1–9С; 2–1Л; 3–6Л; 4–7Л; 5–12Л; 6–5С; 7–10Л; 8–13Л; 9–14Л; В: 1–4С; 2–11С; 3–2Л; 4–4Л; 5–6С; 6–8С; 7–10С; 8–3Л; 9–8Л; С: 1–2С; 2–11Л; 3–9Л; 4–5Л; 5–1С. Условные обозначения: а – зола; б – угли; в – обожженная глина (очаг).

Fig. 2. The fortified settlement of Oposhnya. Plans and sections of dwelling structures, A–B (after Lyapushkin, 1961; Sukhobokov, Yurenko, 1992)

ном или близком к нему положении. Обратимся к сооружениям, в которых наблюдается количественная “некомплектность” столбовых ямок наряду с отсутствием системы в их расположении и существенными пропусками (жилища 1Л, 2Л, 4Л, 6Л–8Л, 10Л–14Л, 2С, 4С–6С, 8С, 10С, 11С), присовокупив к ним обладающее сходными чертами уже упоминавшееся жилище 9Л (всего 20 объектов). Наличие в их конструкциях вертикальных элементов сомнений не вызывает. Этот факт подтверждается нередко встречающимися остатками дерева, как в самих ямках, так и над ними. Вдоль

бортов котлованов зафиксированы и горизонтальные детали, которые описываются чаще всего как горелые плахи, реже – углистые линзы или горелое дерево (жилища 4Л, 6Л, 8Л–10Л, 14Л)⁵. На полу вдоль стен жилища 4С прослеживались следы древесного тлена в виде тонкой (3 см) прослойки бурого цвета (Сухобоков, Юренко, 1992. С. 18). Лучше всего остатки конструкции сохра-

⁵ Чертежи с горизонтами горелого дерева, приведенные И.И. Ляпушкиным, представлены на рис. 2Б. Они дополняются описанием интересных нас деталей в тексте (Ляпушкин, 1961. С. 276–280, 282, 285, 287).

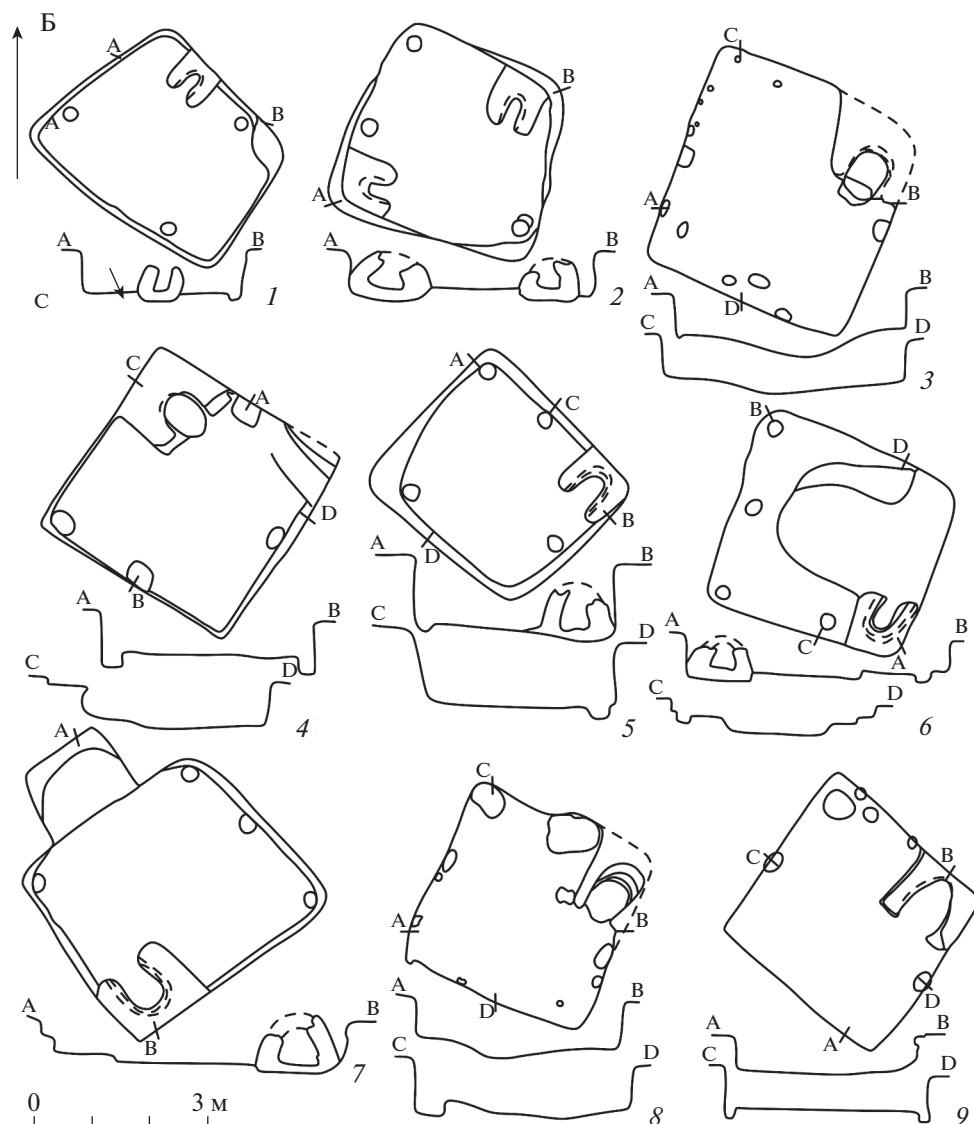

Рис. 2. Продолжение.

Fig. 2. Continued

нились в жилище 12Л (рис. 3, 5): ряд горелых плах располагался непосредственно вдоль стен, “причем плахи лежали на ребре (облицовка)” (Ляпушкин, 1961. С. 294). Такая картина в сочетании с некомплектностью и бессистемностью в расположении ямок более всего соответствует использованию приема “неаккуратного” заклада, суть которого сводится к следующему: вертикальные стойки прижимают горизонтально расположенные плахи или доски к стенкам котлована. Подпорная по сути конструкция была только облицовкой заглубленной части постройки и не могла служить основанием несущих стен и возвышаться над землей. Именно это положение стало одним из весомых возражений Г.В. Борисевича против построений П.А. Раппопорта (Борисевич, 1978.

С. 284). Вполне вероятно, на отдельных участках бортов котлована облицовка вообще могла отсутствовать, что было оправдано ввиду плотного материала, представленного глиной. В пользу такого варианта также свидетельствуют малое количество ямок в значительной части сооружений, особенно пропуска в узловых точках.

Вывод об облегченном характере облицовки подкрепляется и другими наблюдениями. Показательны отопительные устройства, которые в Опощне в большинстве случаев создавались одновременно с сооружением котлована в материковом останце. Печи, как правило, занимали один из углов котлована (рис. 2А, 2–5, 7–9; В, 2–9; В, 1, 3), только в одном случае примыкая к его борту (рис. 2В, 1). В двух жилищах имелось по па-

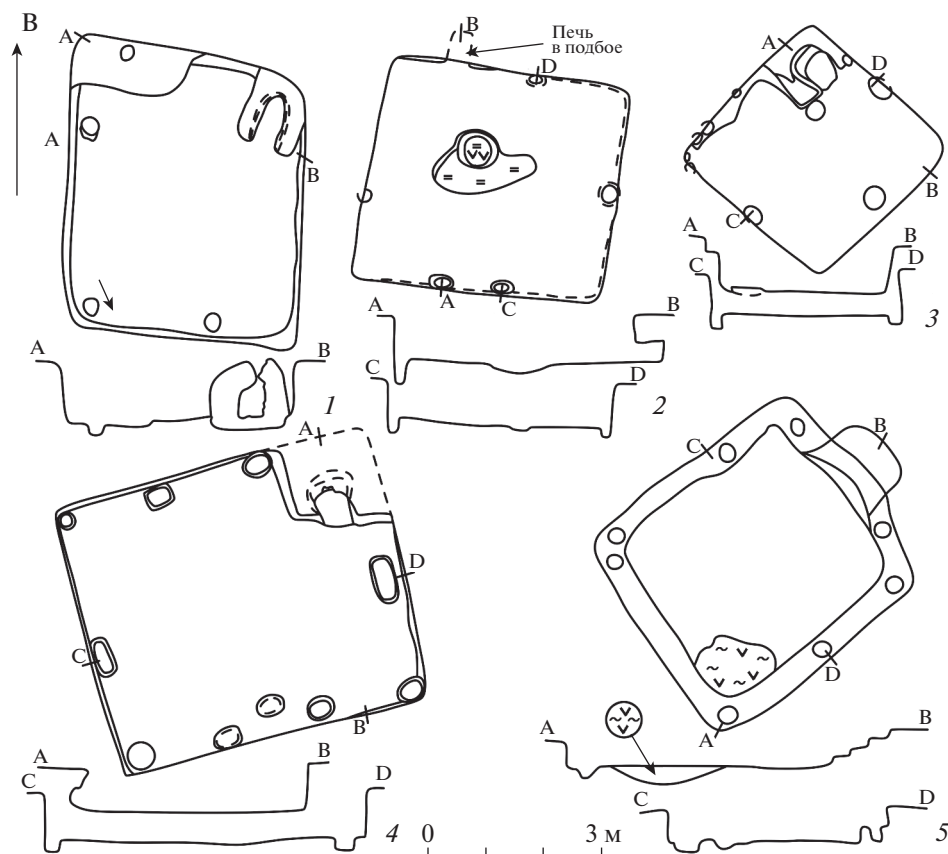

Рис. 2. Окончание.

Fig. 2. Ending

ре таких отопительных сооружений (рис. 2А, 6; В, 2). Подобное оформление интерьера помещения не давало возможности замкнуть контур обшивки. Лишнее доказательство “разрыва” на этих участках — отсутствие следов столбовых опор в углах за останцами печей. В свою очередь отопительные сооружения, примыкающие к бортам котлована, расцениваются в качестве признака несущих стен, поставленных с отступом от него (Моргунов, 2002. С. 59, 63; Енукова, 2007. С. 23). Существование “разрывов” в облицовке в некоторых случаях подтверждается хозяйственными ямами, расположенными по углам котлованов или у центра одной из стен (жилища 1Л, 3Л, 12Л, 2С) (рис. 2А, 2, 5; В, 8; В, 1).

Возвращаясь к отопительным сооружениям, отмечу, что в Опошне отклонения от “стандарта” немногочисленны. В жилищах 1С (рис. 2В, 5) и 9С (рис. 2А, 1) использовались очаги. В жилищах 11Л (рис. 2В, 2) и 13Л (рис. 2А, 8) они дополняли основной источник тепла, причем в первом случае он был представлен печью в подбье, которая прорезала северный борт котлована и также не давала замкнуть периметр обшивки. Очаги и “камины” известны в волынцевских жилищах, в том

числе на эпонимном поселении в урочище Стан и на Битицком городище, однако встречаются они несравненно реже угловых печей с преобладанием в числе последних останцовых отопительных устройств над глинобитными (Юренко, 1984. С. 38, 39. Табл. 1; Сухобоков, 1999. Рис. 2). Такое соотношение характерно и для Опошни с той лишь разницей, что здесь почти все печи оформлены в останцах. Скорее всего, это объясняется уже отмечавшимся грунтом материка: формовка глинобитной печи из аналогичного, но принесенного грунта, просто не требовалась. В результате есть основания полагать, что обычай использования в отдельных постройках Опошни нетипичных отопительных сооружений восходит к практике предшествующего населения.

Рядом с котлованами жилищ столбовые ямки ни разу не отмечались, поэтому единственный вариант конструкции несущих стен — сруб, поставленный с отступом от заглубленной части постройки. Это решение, предложенное в ходе дискуссии Г.В. Борисевичем (1978. С. 284, 285), в последующем было поддержано и развито рядом исследователей (Моргунов, 2002. С. 60, 61; 2003. С. 122–124; Енукова, 2007. С. 22–25, 30–57; 2011;

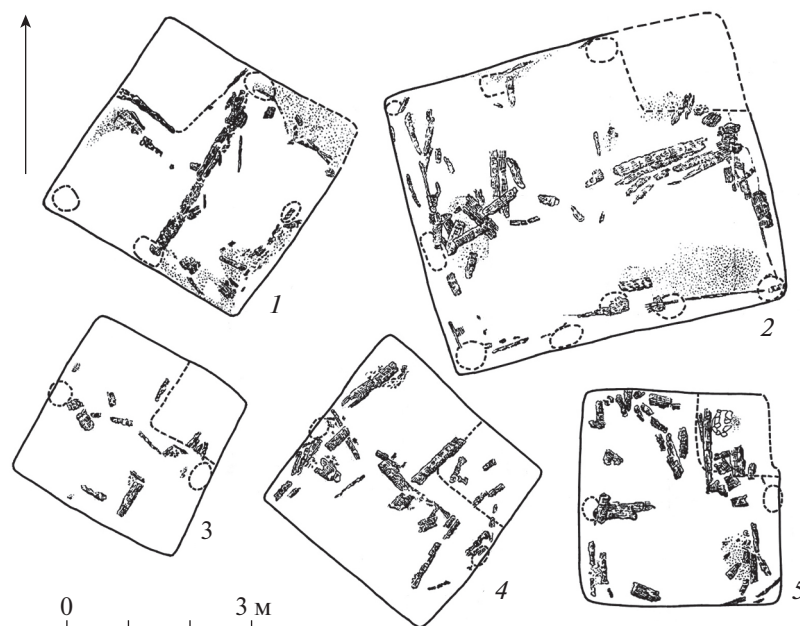

Рис. 3. Городище Опошня. Планы жилищ с остатками горелого дерева (по: Ляпушкин, 1961). 1 – 4Л; 2 – 5Л; 3 – 6Л; 4 – 8Л; 5 – 12Л.

Fig. 3. The fortified settlement of Oposhnya. Plans of dwelling structures with the remains of burnt wood (after Lyapushkin, 1961)

Пуголов, 2016. С. 193–202). Не противоречит этому и рельеф городища. При возведении срубов идеальна горизонтальная строительная площадка. В Опошне перепады высот по сторонам котлованов сравнительно невелики и могли легко исправляться “стульями” или “подвалинами”. Кроме того, выровненная строительная площадка могла полностью или частично “врезаться” в почвенный слой, в связи с чем ее было сложно проследить (Енукова, 2007. С. 25. Рис. 13). Постройки располагались на расстоянии друг от друга, что также позволяло возводить стены с отступом от котлованов⁶. Имеются немногочислен-

ные случаи, когда неподалеку от них размещались хозяйственные ямы, но “зазоры” позволяли поставить сруб. Единственное исключение – жилище 2С, к юго-западной части котлована которого примыкает округлая в плане яма 22 (Сухобок, Юренко, 1992. Рис. 7). Вероятнее всего, закладной венец этой стороны сруба не нес нагрузки.

На фоне уже рассмотренных домов выделяются две постройки. В жилище 5Л выявлена система столбовых ямок, приближавшаяся по количеству к полному набору каркасно-столбовой конструкции при отчетливо прослеженной системе в их расположении (рис. 2В, 4). Однако, как и в предыдущих случаях, контур имел “разрыв” на месте останковой печи, причем угловая ямка здесь также отсутствовала. Невозможность замкнуть контур котлована заставляет предположить, что и здесь мы имеем дело не с основанием несущих стен, а только с облицовкой бортов, которая, однако, была выполнена добротно и основательно. Вполне вероятно, это диктовалось большой площадью котлована (26 м²), в Опошне более не отмеченной. В пользу такого, что и здесь использовался прием заклада, имеется дополнительный и весомый аргумент. В жилище зафиксированы многочисленные обломки рухнувших конструкций, при этом ее отдельные и важные для решения наших задач элементы сохранились *in situ*. Так, в восточном углу обнаружены остатки сгоревшего вертикального столба, от которого “впритык к стене... тянется горелая доска шири-

⁶ В статье использован сводный план исследованных объектов (рис. 1) из работы Ю.А. Пуголова, который был явно подготовлен на основе опубликованного О.В. Сухобок и С.П. Юренко чертежа с весьма некачественной полиграфией. В результате может сложиться впечатление, что срубам с отступами от котлована просто негде было расположиться. Однако на плане расстояние между постройками носят несколько условный характер ввиду определенной доли схематичности при локализации на нем объектов, при этом уже сама толщина линий “съедает” часть “зазоров”. Например, жилища 10Л и 11Л выглядят как расположенные рядом, однако по чертежу И.И. Ляпушкина “разрыв” между ними составляет более 2 м (1961. Рис. 122). Реально только в трех случаях жилища находились на отрезках около 1 м (даже несколько больше) друг от друга: это пары 1Л–2Л, 8Л–9Л, 4С–12С. Однако этих промежутков достаточно для расположения домов с “усредненным” отступом (0.3–0.5 м), тем более что две параллельных стороны закладного венца сруба имели практически ненесущий характер, поэтому отступ от одной или даже двух границ котлована при наличии какой-либо необходимости мог быть уменьшен либо вообще отсутствовать.

ной около 0.20 м, длиной более 2 м” (Ляпушкин, 1961. С. 280). Горизонтальные детали заборки, судя по расстоянию между ямками, не могли превышать 1.3 м, поэтому представленное описание полностью соответствует технике заклада.

В котловане жилища 1С также присутствует определенная система в расположении ямок, хотя заметно менее строгая, нежели в предыдущем случае (рис. 2В, 5). Можно, конечно, предположить, что отсутствие столбовой ямки в центре у юго-западной стенки объясняется простой случайностью, однако против каркасно-столбовой конструкции свидетельствует примыкающий с северо-востока ступенчатый вход. Выступающие за пределы заглубленной части жилища элементы интерьера относятся к числу признаков стен, поставленных с отступом (Енукова, 2007. С. 23), что вполне понятно — ибо при атмосферных осадках такой “коридор” мог превратиться в ложе для стока воды. Фактически на этот участок котлована приходился еще один “разрыв” периметра конструкции, будь то облицовка бортов или возможные несущие стены. И здесь привлекают внимание некоторые метрические характеристики: сам вход, прорезавший борт, был широким (около 1.5 м), а расстояние между ямками по его сторонам, которые могли играть роль косяков, доходило до 2 м. Ширину дверных проемов в срубных домах можно установить только по материалам раскопок в условиях мокрого слоя древнерусских городов, где она редко достигала 1 м (Харламов, 1976. Рис. 5; Толочко, 1981. С. 84. Рис. 11; Лысенко, 1985. Табл. 26). Показательно, что порог чаще всего врубался в 3–4-й венец при высоте дверного полотна менее 1.5 м. Другими словами, все было направлено на максимальное сохранение тепла и предотвращение попадания атмосферных осадков внутрь помещения. Вряд ли эти требования не соблюдались в предшествующее время. Это наблюдение вкупе с нарушениями в системности расположения столбовых ямок (“разрывы”, смещение ямки в северном углу, две ямки в западном углу) указывают на то, что и здесь, скорее всего, использовался заклад, однако в более прочном исполнении.

В Опошне, как уже отмечалось, только в единственном жилище 9С отсутствовали столбовые ямки (рис. 2А, 1), что нередко расценивается как посыл, позволяющий предположить использование строительной схемы “сруб, впущенный в котлован”. Однако против этого — малая площадь котлована (9 м²), который, кроме того, имел не совсем правильную форму со скругленными углами. Это особенно заметно в его северо-восточной части, в силу чего вписать в него сруб было очень сложно, а при попытке сделать это его внутренняя площадь уменьшилась бы до невозможных для проживания размеров. Противоречит этому и отопительное сооружение в виде оча-

га, занимавшее западный угол котлована. Похоже, в этой постройке вообще отсутствовала обшивка бортов. Попутно отмечу, что в остальных жилищах Опошни даже теоретически сложно представить возведение срубов в котлованах.

Против этого свидетельствуют не только столбовые ямки, но и примыкающие к бортам отопительные сооружения и хозяйственные ямы, остатки *in situ* деревянных деталей, а также материковые останцы. Последние О.В. Сухобоков и С.П. Юренко наряду с печами расценивали в качестве не менее важной части интерьера и определяли как “лежанки” или “верстаки” (Сухобоков, Юренко, 1992. С. 46). Под такую трактовку подходит возвышение в жилище 5С (рис. 2А, 6). С определенной долей осторожности к “мебели” можно отнести небольшой выступ, занимавший восточный угол котлована жилища 4С (рис. 2Б, 1). Но в остальных случаях назначение таких элементов определить сложно. Так, останец у северо-западной стенки в котловане жилища 9Л имел незначительные размеры, причем по его границе с бортом были вбиты колья (рис. 2В, 3). Стоит отметить, что они были как бы “утоплены” в стенку, поэтому никак не могут соотноситься с плетнем. Вероятно, таким образом был просто укреплен (и довольно грубо) разрушающийся вертикальный участок постройки. В жилище 8С вдоль трех стенок шел широкий П-образный уступ (рис. 2Б, 6). Еще в двух сооружениях по бортам отмечены небольшие ступеньки: в жилище 9С — вдоль трех сторон (рис. 2А, 1), 1С — вдоль четырех (рис. 2В, 5).

Надо признать, что анализ остатков жилищ Опошни дает только общее представление об облике их наземных частей. Если характер оформления дверей можно гипотетически представить на основании материалов раскопок в условиях мокрого слоя, то какие-либо данные относительно их расположения, за исключением жилищ 1С и 10С, где были зафиксированы входы, отсутствуют. Еще более проблематична реконструкция кровли. В первой публикации материалов Опошни И.И. Ляпушкин на основе трех раскопанных в 1940 г. жилищ 1С–3С предположил, что они были покрыты двухскатными крышами, опиравшимися с одной стороны, на борта ям, а с другой — на переклады, проходящие через середину землянок с северо-запада на юго-восток. Гипотезу, согласно которой “переклад” опирался на “столбы-сохи”, исследователь аргументировал “расположением рухнувших обожженных “бревен (слег)” в жилище 1С, которые “...лежали параллельно Ю-В и С-З стенам. Вместе со столбами-сохами они составляли каркас этого покрытия” (Ляпушкин, 1946. С. 119, 120). Правда, в новотроицких реконструкциях крыша стала уже трехскатной (Ляпушкин, 1958. Рис. 109–114). Позднее И.И. Ляпушкин, публикуя материалы раскопок Опошни

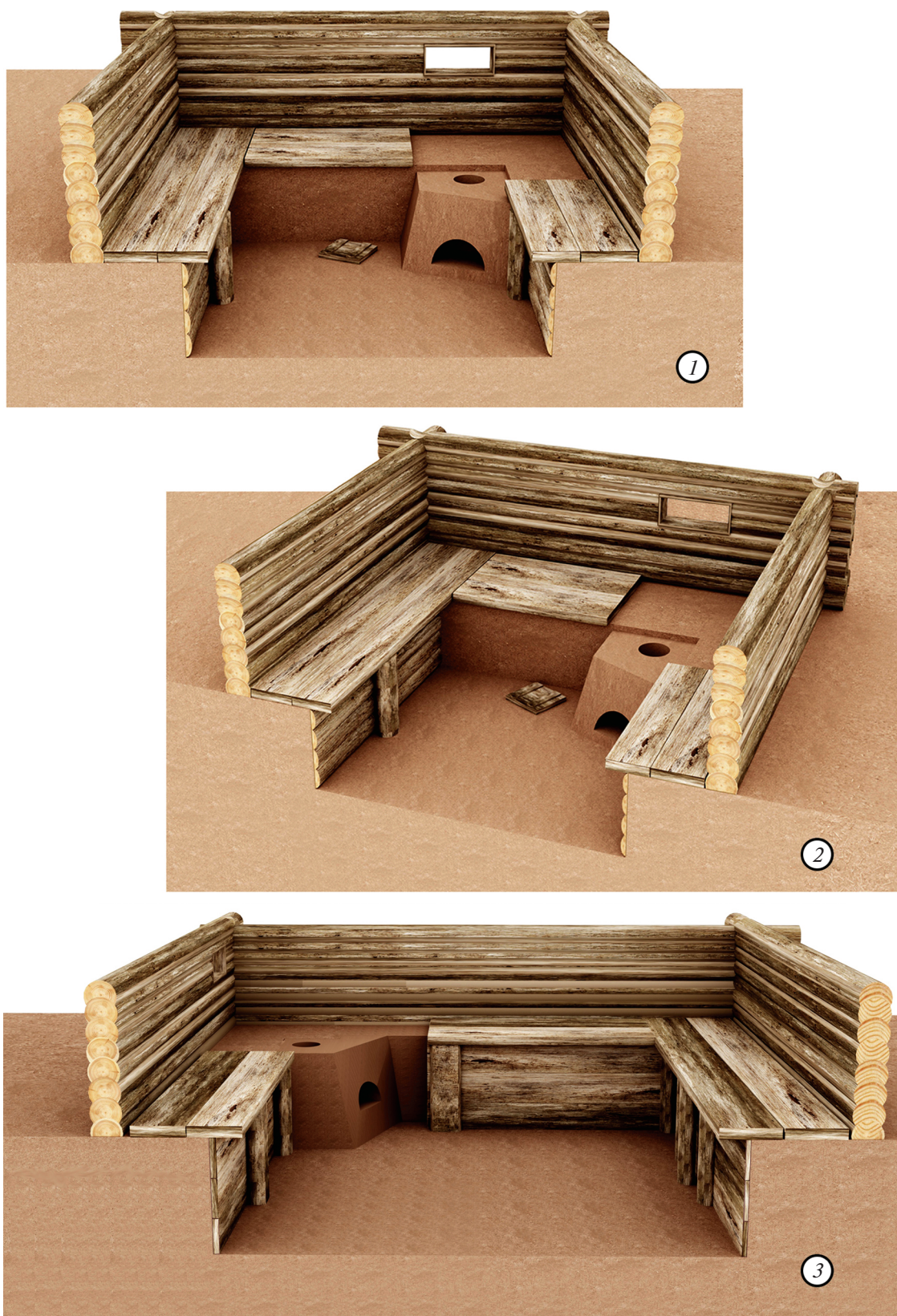

Рис. 4. Городище Опошня. Реконструкция жилищ. 1 – 12Л, вид с юга; 2 – 12Л, вид с юго-востока; 3 – 5Л, вид с юго-запада-запада. Компьютерная обработка Е.А. Озеровой.

Fig. 4. The fortified settlement of Oposhnya. Reconstruction of dwelling structures. Computer processing by E.A. Ozerova

1957 г., практически не касался конструкции домов, однако явно особое внимание при описании остатков дерева уделял находкам бревен или их фрагментов, пересекавших в ряде случаев центральную часть котлованов (жилища 4Л–6Л, 8Л, 12Л; см. рис. 3). Тем не менее упоминание рухнувших “перекладов” предполагает принятую им ранее схему кровли (Ляпушкин, 1961. С. 276, 280–282).

Однако в представленных описаниях можно усмотреть и коньковое бревно, и матицу — опорную балку потолка или стропильной системы. Против использования сох имеется и изображение утилитарного характера: при срубной конструкции в таком элементе просто не было необходимости. Не настаивая из-за отсутствия информации на каком-либо варианте решения вопроса, можно только осторожно предположить, что крыша все-таки была двухскатной ввиду простоты ее возведения.

Основные результаты реконструктивного анализа представлены на примере жилища 12Л (рис. 4, 1, 2), что объясняется следующими причинами. Облегченная обшивка котлована, характерная для подавляющего большинства домов Опошны, в этой постройке имеет свое почти крайнее проявление: присутствуют всего две ямки от вертикальных стоек, примыкающих к западному и восточному бортам (рис. 2А, 5). Требуется пояснение оформления южного борта, который на рисунке остался “за кадром”. Обнаруженная здесь ямка никак не могла быть связана с обшивкой в силу того, что она располагается на расстоянии от стенки котлована (рис. 2А, 5). Судя по всему, она представляла собой след “ноги”, на которую опирался край деревянного покрытия “лавы”. Тем не менее на этой стенке котлована зафиксированы остатки дерева, причем, как отмечал И.И. Ляпушкин, помещенные на ребро горелые плахи здесь сохранились особенно хорошо (Ляпушкин, 1961. С. 294).

Похоже, в данном случае был использован прием расклинивания: горизонтальные элементы упирались своими торцами в обшивку восточного и западного бортов, которая в свою очередь удерживалась толстыми стойками в центральных частях котлована. Существование такой на первый взгляд необычной техники надежно зафиксировано археологически (Енукова, 2007. С. 24. Рис. 92, 93). Теоретически северный борт котлована мог быть защищен от разрушения также путем расклинивания плах, однако в этом случае восточные их торцы упирались бы в глиняную стенку печи, что маловероятно. Относительно величины отступа срубных стен от границ заглубленной части постройки: Ю.Ю. Моргунов не пытался ее определить, однако полагал, хотя и с большой долей осторожности, что такая плани-

графия жилища увеличивала его площадь на 25%, в основу чего был положен пример постройки С-6 Сампсониева Острова с отмеченным отступом в 0.3–0.5 м (Моргунов, 2002. С. 61, 62; 2003. С. 124–126). О.Н. Енукова, обобщив все известные ей случаи фиксации этого параметра, пришла к выводу, что его минимальное значение составляло около полуметра, хотя в конкретных ситуациях он мог заметно колебаться (Енукова, 2007. С. 23, 24). Стоит отметить, что применительно к роменским постройкам “усредненный” отступ корректнее определить в пределах 0.3–0.5 м, что следует из представленного графика (Енукова, 2007. Рис. 62). Эта величина и была использована в реконструкциях.

В качестве образца дома с добротной и прочной облицовкой котлована использовано жилище 5Л (рис. 4, 3), что вряд ли требует специальных пояснений, кроме одного: на некотором расстоянии от южной стенки была обнаружена столбовая ямка, явно не вписывающаяся в конструкцию обшивки. Судя по всему, как и в случае с предыдущей постройкой, она представляла собой дополнительную опору настила “лавы”, что позволяло сделать увеличенный выступ его края. Заметно выдвинутый “козырек” отображен и у “лавы” противоположной стороны, что вполне позволяли мощные и регулярно расположенные вертикальные стойки облицовки. Впрочем, это допущение никоим образом не сказывается на общей схеме постройки. Интересно, что в обоих маркерных объектах передние стенки печей были немного повернуты к центру, что, видимо, объясняется большим удобством доступа к устью топочной камеры.

Таким образом, домостроительство обитателей Опошны, занимавшей в культурно-хронологическом отношении переходное положение, не отличается от схем, распространенных в последующем в роменской культуре. Показателен факт его полного совпадения с конструктивными решениями населения Новотроицкого городища (Енуков, 2018), которое хронологически стыкуется с Опошной или приближается к ней. Впрочем, жителей последней нельзя считать создателями новой строительной традиции, господство которой отмечается уже на сахновско-волынцевских памятниках (Енуков, 2021).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 29-09-00041.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березовець Д. Т. Сіверяни (перед утворенням Київської держави): кандидатська дисертація на здобуття ступеня кандидата історичних наук // Архів Інституту археології Національної академії наук України. 1969. Р-2. № 2032.

- Борисевич Г.В. Рец. на кн.: Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-31. Л., 1975 // Советская археология. 1978. № 4. С. 282–288.
- Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000 (Труды Тульской археологической экспедиции; вып. 2). 264 с.
- Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула: Репро-никс, 2005. 207 с.
- Дьяченко А.Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX — начале XI в. // Археология славянского юго-востока: материалы к межвуз. науч. конф. / Ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1991. С. 37–43.
- Енуков В.В. Домостроительство жителей Новотроицкого городища: основные принципы [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (дата обращения 03.04.2021).
- Енуков В.В. О ведущих тенденциях в домостроительстве сахновско-волынцевского населения // Археологическое наследие. 2021. № 1 (4). С. 160–180.
- Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) / Ред. О.А. Щеглова и др. СПб.: СОЛО, 2012. С. 140–147.
- Енуков В.В., Енукова О.Н. Домостроительные традиции населения Животинного городища // Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014. С. 368–379 (прил.)
- Енукова О.Н. Домостроительство населения Посемья в X–XIII вв. // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя: збірник наукових праць. Суми: Сумський державний педагогічний університет, 2003. С. 15–20.
- Енукова О.Н. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: материалы межрегион. науч. конф. (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Курск, 2005. С. 73–78.
- Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курский гос. ун-т, 2007 (Труды Науч.-исслед. ин-та археологии юго-востока Руси Курского государственного университета; вып. 1). 220 с.
- Енукова О.Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях “сухого” слоя [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19), т. 2. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=21> (дата обращения 03.04.2021).
- Ефименко П.П. Раннеславянские поселения на Дону // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 2. С. 8–15.
- История культуры Древней Руси. Т. I / Ред. Б.Д. Греков, М.А. Артамонов. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. изд-ва АН СССР, 1948. 484 с.
- История русской архитектуры. Краткий курс / Ред. С.В. Бессонова. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1951. 463 с.
- Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128–191.
- Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
- Ляскоронский В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды 13-го Археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. М., 1907. С. 158–210.
- Ляпушкин И.И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. 12. С. 117–127.
- Ляпушкин И.И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII–X вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 68. С. 3–13.
- Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 74). 328 с.
- Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 104). 384 с.
- Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб.: Наука, 2002. 415 с.
- Моргунов Ю.Ю. О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев Остров на средней Суле // Российская археология. 2002. № 2. С. 56–66.
- Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посольской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.
- Пуголов Ю.А. Будівельна справа літописних сіверян. Опішне: Українське Народознавство, 2016. 360 с.
- Пуголов Ю.О. Новітні дослідження Опішнянського городища // In Sclavenia terra. Вип. 2. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2018. С. 53–60.
- Пуголов Ю.О. Дослідження Опішнянського городища // Археологічні дослідження в Україні 2018. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2020. С. 163–164.
- Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-32). 178 с.
- Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 319–337.
- Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. 1999. № 2. С. 25–39.
- Сухобоков О.В., Юренко С.П. Опішнянське городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава: Криниця, 1992. 72 с. (Препринт /

- Ин-т археологии Нац. акад. наук Украины, Центр охраны и исслед. памятников археологии упр. культуры исполкома Полтавского обл. Совета народных депутатов; вып. 6).
- Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 63–94.
- Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. 313 с.
- Третьяков П.Н. У истоков Древней Руси // По следам древних культур. Древняя Русь / Ред. Г.Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1953б. С. 9–34.
- Харламов В.О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X–XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва / Ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка, 1976. С. 47–54.
- Юренко С.П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII–X ст. // Археологія. 1984. № 45. С. 34–46.
- Юренко С.П. Топографія, планування і домостроїтельство поселення близ с. Волинцева // Проблеми археології Сумщини: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. (апрель 1989 г.) / Ред. В.С. Терентьев. Сумы, 1990. С. 64–65.

RESIDENTIAL CONSTRUCTION IN THE EARLY MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENT OF OPOSHNYA

Vladimir V. Enukov^{a, #}

^a Research Institute for Archaeology of South-East Rus, Kursk State University, Kursk, Russia

[#]E-mail: vyenukov@gmail.com

The fortified settlement of Oposhnya stands out among the antiquities of the last quarter of the 1st millennium AD in the Dnieper left bank owing to the fact that it has been conventionally placed between the Volyntsevo cultural and chronological horizon and the Romny archaeological culture. Excavations by I.I. Lyapushkin, O.V. Sukhobokov and S.P. Yurenko explored a significant part of the site, which contains 23 residential structures. The article is an attempt to conduct a reconstructive analysis in order to restore their appearance, the interpretation of which is rather controversial in research literature. The author concludes that the dwellers of Oposhnya typically lived in the structures consisting of shallow pits rectangular in plan covered with a large log-frame. A similar design dominated among the residential construction of the Romny culture carriers of the subsequent period.

Keywords: the Dnieper left bank, Sakhnovka-Volyntsevo horizon, the Romny culture, the fortified settlement of Oposhnya, residential construction, graphic reconstruction, the Early Middle Ages.

REFERENCES

- Berezovets' D.T., 1969. Siveriani (pered utvorennyam Kiivs'koï derzhavi): kandidats'ka disertatsiya na zdobuttya stupenya kandidata istorichnikh nauk [Siverians (before the establishment of the Kiev state): a Doctoral Thesis in History]. Arkhiv Institutu arkheologii Natsional'noï akademii nauk Ukraïni [Archive of the Institute of Archaeology at the National Academy of Sciences of Ukraine], R-2, № 2032.
- Borisevich G.V., 1978. Book review: Rappoport P.A. Rus dwelling. Corpus of archaeological sources, issue E1-31. Leningrad, 1975. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 282–288. (In Russ.)
- D'yachenko A.G., 1991. On the nature of the dwelling and economic architecture and the layout of the Donets fortified settlement in the 9th–early 11th century. Arkheologiya slavyanskogo yugo-vostoka: materialy k mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of the Slavic southeast: Proceedings of the Interuniversity scientific conference]. A.G. D'yachenko, ed. Voronezh: Voronezhskiy pedagogicheskiy institut, pp. 37–43. (In Russ.)
- Efimenco P.P., 1931. Early Slavic settlements on the Don. Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], 2, pp. 8–15. (In Russ.)
- Enukov V.V., 2018. Residential construction of dwellers of the Novotroitskoye fortified settlement: basic principles (electronic source). Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions. Electronic scientific journal of Kursk State University], 4 (48). URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53>. (In Russ.)
- Enukov V.V., 2021. On the leading tendencies in the residential construction of the Sakhnovka-Volyntsevo population. Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological heritage], 1 (4), pp. 160–180. (In Russ.)
- Enukov V.V., Enukova O.N., 2012. On the residential construction of the Don Slavs (based on the materials from the Titchikha fortified settlement). Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Rus state: Proceedings of the International conference to the 110th anniversary of Ivan Ivanovich Lyapushkin]. O. A. Shcheglova, ed. St. Petersburg: SOLO, pp. 140–147. (In Russ.)
- Enukov V.V., Enukova O.N., 2014. Construction traditions of the population of the Zhivotinnoye fortified settle-

- ment. Vinnikov A.Z. Yugo-vostochnaya okraina slavyanskogo mira v VIII – nach. XIII v. (Zhivotinnoe gorodishche na r. Voronezh) [Southeastern outskirts of the Slavic world in the 8th – early 13th century (Zhivotinnoye fortified settlement on the Voronezh River)]. Voronezh: Kvarta, pp. 368–379. (In Russ.)
- Enukova O.N.*, 2003. Residential construction of the Selym region's population in the 10th–13th centuries. *Arkheologiya ta istoriya Pivnichno-Skhidnogo Livoberezhzhyia: zbirnik naukovikh prats'* [Archaeology and history of the northeastern Left Bank: collected scientific papers]. Sumi: Sums'kiy derzhavnyi pedagogichnyi universitet, pp. 15–20. (In Russ.)
- Enukova O.N.*, 2005. On the method of reconstruction of the Slavic-Russian dwelling. Yu.A. Lipking i arkheologiya Kurskogo kraia: materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii [Yu.A. Lipking and the archaeology of the Kursk land: Proceedings of the Interregional scientific conference]. Kursk, pp. 73–78. (In Russ.)
- Enukova O.N.*, 2007. Domostroitel'stvo naseleniya mezhdurech'ya Seyma i Psla v IX–XIII vv. [Residential construction of the population of the Selym-Psel interfluvium in the 9th–13th centuries]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet. 220 p. (Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta arkheologii yugo-vostoka Rusi Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 1).
- Enukova O.N.*, 2011. Methods of reconstruction of Slavic-Russian dwelling under the conditions of a “dry” layer (electronic source). Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions. Electronic scientific journal of Kursk State University], no. 3 (19), vol. 2. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=21>. (In Russ.)
- Grigor'ev A.V.*, 2000. Severskaya zemlya v VIII – nachale XI veka po arkheologicheskim dannym [Severians' land in the 8th–early 11th century based on archaeological data]. Tula: Grif i K°. 264 p. (Trudy Tul'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2).
- Grigor'ev A.V.*, 2005. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the 1st–early 2nd millennium AD]. Tula: Reproniks. 207 p.
- Istoriya kul'tury Drevney Rusi [History of Rus culture], I. B.D. Grekov, M.A. Artamonov, eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo i 2-ya tipografiya izdatel'stva AN SSSR, 1948. 484 p.
- Istoriya russkoy arkhitektury. Kratkiy kurs [History of Russian architecture. A brief course]. S.V. Bessonova, ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po stroitel'stvu i arkhitekture, 1951. 463 p.
- Kharlamov V.O.*, 1976. Constructive features of wooden structures in the Podol (low town) of the 10th–13th centuries. *Arkheologichni doslidzhennya starodavn'ogo Kiev* [Archaeological studies in Old Kiev]. P.P. Tolochko, ed. Kyiv: Naukova dumka, pp. 47–54. (In Ukrainian).
- Komar A.V.*, 2012. Polans and Severians. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [The earliest states of Eastern Europe], 2010. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 128–191. (In Russ.)
- Lyapushkin I.I.*, 1946. Materials for the study of the southeastern borders of the eastern Slavs in the 8th–10th centuries. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 12, pp. 117–127. (In Russ.)
- Lyapushkin I.I.*, 1957. On the dwellings of eastern Slavs of the Dnieper left bank in the 8th–10th centuries. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 68, pp. 3–13. (In Russ.)
- Lyapushkin I.I.*, 1958. Gorodishche Novotroitskoe: o kul'ture vostochnykh slavyan v period slozheniya Kievskogo gosudarstva [The fortified settlement of Novotroitskoye: on the culture of Eastern Slavs during the formation of the Kiev state]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 328 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 74).
- Lyapushkin I.I.*, 1961. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v epokhu zheleza. *Arkheologicheskie razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezh'ya slavyanami* [The Dnieper forest-steppe Left Bank in the Iron Age. Archaeological research on the time of the Slavic settlement of the Left Bank]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 384 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 104).
- Lyaskoronskiy V.G.*, 1907. Fortified settlements, mounds and long (serpentine) ramparts along the rivers Psel and Vorskla. *Trudy 13-go Arkheologicheskogo s'ezda v Ekaterinoslave* [Works of the 13th Archaeological congress in Yekaterinoslav], 1. Moscow, pp. 158–210. (In Russ.)
- Lysenko P.F.*, 1985. Berest'e [Berestye]. Minsk: Nauka i tekhnika. 399 p.
- Mavrodin V.V.*, 2002. Ocherki istorii Levoberezhnoy Ukrainy (s drevneyshikh vremen do vtoroy poloviny XIV veka) [Studies in the history of the Left Bank Ukraine (from ancient times to the second half of the 14th century)]. St. Petersburg: Nauka. 415 p.
- Morgunov Yu.Yu.*, 2002. On some features of residential construction of the Sampsoniev Ostrov settlement in the middle Sula. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 56–66. (In Russ.)
- Morgunov Yu.Yu.*, 2003. Sampsoniev Ostrov: Pogranichnaya krepost' na posul'skoy okraine Yuzhnoy Rusi v XI–XIII vv. [Sampsoniev Ostrov: a frontier fortress on the Sula outskirts of South Rus in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 187 p.
- Pugolovok Yu.A.*, 2016. Budivel'na sprava litopisnikh siveryan [Construction skills of the recorded Siverians]. Opishne: Ukraïns'ke Narodoznavstvo. 360 p.
- Pugolovok Yu.O.*, 2018. New studies in the Opishnya fortified settlement. In *Sclavenia terra*, 2. Kyiv: Institut arkheologii Natsional'noï akademii nauk Ukraïni, pp. 53–60. (In Ukrainian).
- Pugolovok Yu.O.*, 2020. Studies in the Opishnya fortified settlement. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2018* [Archaeological studies in Ukraine in 2018]. Kyiv: Institut arkheologii Natsional'noï akademii nauk Ukraïni, pp. 163–164. (In Ukrainian).
- Rappoport P.A.*, 1975. Drevnerusskoe zhilishche [Rus dwelling]. Leningrad: Nauka. 178 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-32).

- Rybakov B.A.*, 1939. The Antes and Kievan Rus. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 1, pp. 319–337. (In Russ.)
- Sukhobokov O.V.*, 1999. On the origin and interpretation of the Volyntsevo sites of the recorded Siverians' culture. *Arkheologiya* [Archaeology], 2, pp. 25–39. (In Ukrainian).
- Sukhobokov O.V., Yurenko S.P.*, 1992. Oposhnyanskoe gorodishche (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1975 g.) [The Opishnya fortified settlement (based on the 1975 archaeological investigation)]. Poltava: Krinitsya. 72 p. (Preprint, 6).
- Tolochko P.P.*, 1981. Mass development of Kiev of the 10th–13th centuries. *Drevnerusskie goroda* [Towns of Rus]. V.V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 63–94. (In Russ.)
- Tret'yakov P.N.*, 1953a. Vostochnoslavjanskije plemena [East Slavic tribes]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 313 p.
- Tret'yakov P.N.*, 1953b. At the origins of Rus. Po sledam drevnikh kul'tur. *Drevnyaya Rus'* [In the footsteps of ancient cultures. Rus]. G.B. Fedorov, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 9–34. (In Russ.)
- Yurenko S.P.*, 1984. Residential construction of the population of the Dnieper Left Bank in the 8th–10th century. *Arkheologiya* [Archaeology], 45, pp. 34–46. (In Ukrainian).
- Yurenko S.P.*, 1990. Topography, layout and residential construction of the settlement near the village of Volyntsevo. Problemy arkheologii Sumshchiny: tezis dokladov oblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Issues of archaeology of Sumy region: Abstracts of the Regional scientific and practical conference]. V.S. Terent'ev, ed. Sumy, pp. 64–65. (In Russ.)